

Ю.А. Сорокин

«РАССКАЗЫ» Н.О. КОТЛУБИЦКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I

Рассмотрены информационные возможности записок генерал-адъютанта Павла I Н.О. Котлубицкого, тесно общавшегося с ним с 1793 по 1801 г. Показано, что многие случаи из жизни государя сильнейшим образом переиначивались другими мемуаристами и в таком исковерканном виде попадали на страницы сугубо научных трудов, чьи авторы воспринимали эти свидетельства как истинные, не озаботившись их критикой. Проанализирован ряд конкретных ситуаций, показаны обстоятельства их дальнейших фальсификаций.

Ключевые слова: Н.О. Котлубицкий; Павел I; политический режим.

«Рассказы о временах Павла I» Николая Осиповича Котлубицкого занимают особое место в корпусе русских мемуарных источников конца XVIII – первой половины XIX в., традиционно используемых историками для изучения политического режима российского императора Павла Петровича и, отчасти, для изучения социально значимых качеств личности «сего злосчастного монарха».

Таковыми их делает, во-первых, сама фигура автора. Происхождение Котлубицких темно и неясно. По одним данным, Котлубицкие – польский дворянский род, причем не из последних. По другим – они происходят от казанского мурзы Котлу бея. По «Гербовнику» они числились среди дворян Нижегородской губернии. Поэтому мнение, согласно которому Котлубицкие – нетитулованный русский дворянский род, представляется нам вполне справедливым, даже учитывая их весьма разветвленное семейное древо. Родился Николай Осипович в семье скромного чиновника, служившего в канцелярии графа П.А. Румянцева, в 1775 г. (по другим данным, в 1774 г.). В положенный срок, благодаря протекции графа, стал кадетом Артиллерийского корпуса. В 1793 г. А.А. Аракчеев, по поручению великого князя Павла Петровича, набирал желающих служить в артиллерийской батарее, создаваемой при гатчинских батальонах цесаревича. Служба в гатчинских войсках, по общему мнению современников, была непрестижна, неперспективна и невыгодна. При дворе Екатерины в них видели лишь «злую карикатуру» на армию. Екатерининские гвардейские офицеры добровольно служить в Гатчине не пожелали – только по соответствующему приказу. Но перед отпрысками тех дворянских фамилий, которые не могли позволить себе содержать своих сыновей в гвардии или хотя бы в петербургском гарнизоне, открывалась лишь незавидная армейская карьера, всегда сомнительная, ибо вершина ее, как показывал жизненный опыт, – отставка в чине штабс-капитана. Два самых известных штабс-капитана русской литературы – толстовский Тушин и лермонтовский Максим Максимович – прекрасно подтверждают эту норму. Служба в Гатчине, пусть и очень суровая, решительно непохожая на сибиричество гвардейских полков в Санкт-Петербурге, дарилась таким людям хоть какие-то надежды и перспективы. Во

имя этих перспектив служил в гатчинских батальонах сам Аракчеев и начал служить Н.О. Котлубицкий. Видимо, служил он вполне добросовестно, и уже в 1795 г. Павел выхлопотал для него у императрицы чин штабс-капитана. Принято считать, что Екатерина II весьма неохотно жаловала чины гатчинским офицерам. В среднем таких пожалований было не более 6–7 случаев в год. Каждый раз Павлу приходилось проходить через оскорбительную процедуру. Именно поэтому цесаревич хлопотал только о тех офицерах, чью службу он отмечал, чей образ жизни считал примерным. Как мы видим, Н.О. Котлубицкий вошел в этот весьма узкий круг. Зато после воцарения Павла на гатчинцев вообще и на Николая Осиповича в частности пролился дождь государевых милостей в виде чинов, денежных наград, орденов, душ и пр. Павел Петрович, сделавшись императором, желал наглядно продемонстрировать, что служба за ним не пропадает. Котлубицкий, получая чин за чином, быстро сделался генерал-лейтенантом, генерал-адъютантом императора, комендантом Михайловского замка. По общему мнению, Котлубицкий – один из любимцев государя, во всяком случае, любимый генерал-адъютант, выполнявший со всей корректностью самые щекотливые поручения императора. Павел звал его «Николкой» (Николаю Осиповичу не было и 25, он даже не был еще женат), в минуты крайние – странным именем «Николака».

Подобного рода карьеру при Павле I сделали из гатчинцев очень и очень немногие. Жизненный путь Котлубицкого, с одной стороны, уникален, если иметь в виду стремительность и успешность его карьеры. С другой стороны – типичен, ибо не только при Павле Петровиче в XVIII в. можно было сделаться генералом, не участвуя в баталиях, не нюхая пороха, не тянув лямку (такие люди, скажем еще раз, отставлялись из русской армии, как правило, штабс-капитанами). В канун царевубийства 10 марта 1801 г. Н.О. Котлубицкий был арестован П.А. фон дер Паленом, военным губернатором Санкт-Петербурга, якобы по приказанию государя, и посажен на гауптвахту. Пален – по общему мнению, главная пружина заговора – чувствовал в Николае Осиповиче неподкупную честность порядочного человека и принял меры. Круг людей, в верности которых

Павлу заговорщики не сомневались, чрезвычайно узок, едва ли превышает пять человек (понятно, что речь идет лишь о тех, кого заговорщики должны были вывести из игры ради успеха своего дела). Комендант Михайловского замка в их число входил, а вот И.П. Кутайсов нет, хотя и современники, и последующие поколения историков именно в Иване Павловиче видели наиболее близкого императору человека, своеобразного серого кардинала его политического режима.

Александр, воцарившись, отправил 26-летнего генерал-лейтенанта Котлубицкого на скромнейшую должность в Арзамас. Год спустя, в 1802 г., Николай Осипович вышел в отставку и поселился в своем нижегородском имении (1 399 душ), подаренном Павлом I. Затем, оставив имение сыну, он с незамужней дочерью переехал к сестре на хутор Никольский в шести верстах от г. Городни Черниговской губернии, где и прожил пусть не барственно, но в достатке оставшиеся ему земные дни, скончавшись в 1849 г.

Во-вторых, из гатчинцев, действительно близких к Павлу людей еще с великокняжеских времен, сохранивших и приумноживших свой статус после его воцарения, очень немногие оставили какие бы то ни было письменные свидетельства. Можно назвать разве что сочинения И.М. Долгорукова [1, 2]. Впрочем, и Н.О. Котлубицкий не оставил мемуаров в собственном смысле слова. Некто Александр Иванович Ханенко, близко сошедшийся с Котлубицким, любил слушать рассказы старика и даже «старался выпытать» у него подробности царствования Павла I, «которого он был живая летопись». Записывая эти рассказы, А.И. Ханенко, по его собственному признанию, действовал из следующих соображений: «Всякая подробность прежнего быта, всякая мелочь старины, открывая особые обычаи или привычки наших предков, нам более и более уясняют картину их прежнего быта; и воссоздавая таким образом прежних людей и прежние времена, дается возможность современному человеку наблюдать все незначительные пружины, все незамечаемые обстоятельства, направлявшие ход истории» [3. С. 260].

В научной литературе А.И. Ханенко часто называют лишь первым публикатором записок Н.О. Котлубицкого [3. С. 386]. Думается, что он больше, чем публикатор. Он их изложил, составил в хронологическом порядке и, вероятно, отредактировал, пообещав сохранить «даже некоторые его выражения» [3. С. 260]. В авторстве Н.О. Котлубицкого, как и в подлинности его записок, не усомнились редакторы авторитетного журнала «Русский архив», решившись на публикацию рассказов Н.О. Котлубицкого в 1912 г. [4], когда цензурные ограничения оказались сильно смягчены даже в сравнении со второй половиной XIX в. Впрочем, впервые часть рассказов Н.О. Котлубицкого «Русский архив» напечатал еще в 1868 г. [5]. В 2006 г. в серии «История России и дома Романовых в мемуарах современников. XVII–XX», издаваемой фондом Сергея Дубова, была осуществлена новая публикация по изданию «Русского архива» 1912 г.

Еще одно обстоятельство, делающее рассказы Н.О. Котлубицкого особенными и даже уникальными, состоит в следующем. Мемуаристы, даже нелояльные Павлу Петровичу, признавали, что государя преследовали сплетни, нелепые слухи, потоки лжи и клеветы. Даже невиннейшие поступки императора искажались, переиначивались, и на этой основе авторы, а вслед за ними и историки делали далекоидущие выводы. К примеру, из работы в работу историков кочует сюжет, согласно которому Павел I третировал своих офицеров, намереваясь выбить из них вольнолюбивый «потемкинский дух». А. Тургенев свидетельствовал, что государь в припадке гнева преобильно щипал его за щеку, приговаривая: «Я из вас потемкинский дух вышибу!». На этом основании ими делался вывод, что государь прусской муштрой пытался уничтожить славный боевой дух русской армии, ущемить национальное военное искусство (естественно, лучшее в мире) и пр. На деле же, по свидетельству незаинтересованного очевидца, Павел лишь потрепал Тургенева по щеке, прибавив: «Вишь, как откормила вас матушка!». Ласковый жест императора под пером тенденциозных авторов превратился в свою противоположность. Рассказы Н.О. Котлубицкого позволяют внести ясность во многие анекдоты павловского политического режима, показать чрезвычайную субъективность в изложении и даже извращение многих поступков и деяний Павла, ставших поводом для отрицания и политической системы, и самой личности Павла Петровича. Остановимся на некоторых таких сюжетах.

Общим местом в литературе стало мнение о том, что Павел Петрович был убежденным адептом крепостного права, что проявилось в широкой раздаче («расхвате») крестьянских душ в частное владение. Считается, что идейной основой такой политики стала знаменитая павловская формула «помещики лучше заботятся о своих крестьянах, у них своя отеческая позиция». Но вот как об обстоятельствах, при которых Павел произнес эту свою знаменитую сентенцию, рассказывает Н.О. Котлубицкий. В день кончины Екатерины II цесаревич ездил на мельницу. Его сопровождали Мария Федоровна, польский граф Ильинский и на запятках четырехместных саней Капцевич и Котлубицкий. Павлу было угодно рассказать о своем сне, который граф Ильинский толковал в том смысле, что цесаревич скоро станет императором, добавив с надеждой: «Тогда я выиграю свой процесс с казной». У графа была тяжба об имении в несколько тысяч душ. Павел ответил: «Наверное, выиграл бы», и далее последовала вышеупомянутая сентенция [3. С. 263]. Из этого следует только то, что великий князь в частном разговоре обещал своему сотруднику разрешение его тяжбы. Вырванная из контекста приватной беседы, данная павловская формула не может по определению носить характер общего отвлеченного принципа. Между мнением государя по конкретному вопросу и его политикой в масштабах империи – «дистанция огромного размера». Во всяком случае, сделавшись императором и действи-

тельно широко жалую земель и душами, Павел I не передавал казенных, т.е. государственных, крестьян в частное владение. Пожалования осуществлялись чаще всего за счет дворцовых крестьян, принадлежавших непосредственно императорской фамилии, либо за счет имений выморочных или отписанных на государя. Еще чаще Павел Петрович жаловал незаселенную землю, благо таковой в Российской империи было много. Наконец, практика пожалований земли и душ характерна только для первых двух лет царствования Павла I. В дальнейшем государь эту практику свернул.

Н.О. Котлубицкий сообщает о любопытном обстоятельстве, случившемся в этот же день. С одним из гусаров, посланных П.А. Зубовым в Гатчину с известием о болезни государыни, Павел говорил на украинском языке весьма бегло. Сорокатрехлетний Павел Петрович не забыл, стало быть, детства, уроков бабушки, нежно любимой и почитаемой им Елизаветы Петровны, при дворе которой украинский (под названием славянский) язык был широко распространен. Из рассказа мемуариста становится понятным, почему цесаревич его не забыл. Котлубицкий свидетельствовал: «Гусары все были вообще из малороссиян» [3. С. 264]. С ними вне фронта государь считал возможным общаться на их родном языке. Павел ведь тоже строитель империи, только изыскивал для этого методы, альтернативные матушкиным. Екатерина проводила жесткую политику русификации, прежде всего на Украине и Белоруссии. Так, полтора миллиона униатов ею были насильственно возвращены в православие. Павел отвергал насилие в вопросах веры, да и к языкам народов своей империи относился мягко. Представить Екатерину II, говорившую на украинском языке, решительно невозможно.

Считается, что Павел I в бытность свою государем отдал массу нелепых приказаний, которые, однако же, надо было выполнять неукоснительно. Среди таковых мемуаристы чаще всего упоминают приказ раскрасить в шахматном порядке все дома в Санкт-Петербурге в черный и белый цвет, приказ обывателям снимать шапку, если они идут мимо императорского дворца, приказ запрягать лошадей только в немецкую упряжь и многие другие. Но вот как о последнем рассказывает Н.О. Котлубицкий. Съезжались к обедне в дворцовую церковь. Павел обратил внимание на красивых лошадей, захотел узнать, чьи они, высказался в том смысле, что в немецкой упряжи «они смотрелись бы еще красивей» [3. С. 264]. Граф Николай Петрович Архаров, бывший при Екатерине московским обер-полицмейстером, а при Павле санкт-петербургским военным губернатором, как раз в канун визита государя в Москву на коронацию велел собрать у петербургских и московских жителей подписку, чтобы «никто не ездил иначе, как в немецкой упряжи». П.П. Долгорукий, тогдашний генерал-губернатор Москвы, обиделся на самоуправство Архарова в первопрестольной и пожаловался государю. Павел поручил Котлубицкому арестовать Архарова, посадить его «под Ивановскую колокольню» и принудить помириться с Долгоруким. Логика государя

такова: «Вся Россия собирается в Москву к моей коронации, а они всех заставляют переделывать упряжь» [3. С. 264]. Н.О. Котлубицкому удалось замять скандал. Чуть позже Архаров был отставлен от службы и сослан в свое имение «за злоупотребления». Обобщая подобные сюжеты, давая им оценку в контексте общего мнения о павловском режиме, мы вправе квалифицировать их как «нелепицы». Смачное слово «нелепицы» принадлежит Н.И. Гречу, не любившему Павла, но и не считавшему возможным клепать на него, подобно другим мемуаристам, стремившимся похоронить правление Павла «под клеветнический шелест страниц». Полагаем также, что подобного рода измышления не должны приниматься в расчет историками, повествующими о Павле I.

Современников, даже недоброжелателей Павла Петровича, поразила мягкость государя в обращении с фаворитами покойной Екатерины, прежде всего с П.А. Зубовым, человеком пустейшим, прозванным при большом дворе «дуралеюшкой», но злобным по отношению к цесаревичу. В екатерининском дворце граф Платон Александрович занимал богатые апартаменты. Разумеется, после 6 декабря 1796 г. он должен был их оставить, да съехать Зубову было некуда. Согласно рассказу Н.О. Котлубицкого, Павел поступил следующим образом: за свой счет купил дом на Морской улице, отделал его, как дворец, снабдил столовым серебром, золотым сервизом, экипажами, лошадьми и пр. и послал Котлубицкого передать Зубову, что он дарит ему этот дом ко дню рождения, присовокупив, что завтра с императрицей будет пить у него чай. Это означало, что из императорского дворца Зубов должен был съехать сегодня. Павел Петрович с Марией Федоровной пили у Зубова не только чай, но и шампанское. Император, как ему казалось, милостиво подвел черту под их отношениями, дважды повторив: «Кто старое помянет, тому глаз вон!» [3. С. 266].

Павел ошибся. Братья Зубовы приняли активное участие в заговоре и цареубийстве 11 марта 1801 г. Более того, считается, что именно один из братьев – Николай Александрович – нанес Павлу смертоносный удар табакеркой, по иронии судьбы, с портретом и вензелем государя, ему подаренной. Мы сталкиваемся с феноменом, не таким уж редким не только в русской истории – мстят благодетелю за милость, за доброту, за оказанную честь. Среди участников кровавых событий марта 1801 г., более того, среди первых лиц заговора историки находят людей, которым Павел неизменно благоволил и покровительствовал.

Князь Щербатов, отставленный Екатериной из полка с запрещением въезжать в столицу за то, что поскандалил в театре с немецким князем, приехавшим в Россию «на ловлю счастья и чинов», и прибил того палкой. Заступничество Зубова Щербатову не помогло. Когда Платон Александрович уже в царствование Павла уехал за границу, немецкий князь прислал ему вызов на дуэль. Зубов переслал его Щербатову. Последний стал проситься у Павла в отпуск из-за дела чести. Император не только выполнил его просьбу, но и дал на

дорогу пять тысяч рублей. Когда Щербатов по возвращении из отпуска представлялся государю, тот был доволен, на свой вопрос «Что, убил немецкую свинью?» получив утвердительный ответ [3. С. 267]. Вопросы чести всегда были для Павла Петровича на первом месте. В соответствии с представлениями императора о чести при Павле дворянина перестали наказывать телесно не только де-юре, но и де-факто. Непорочное дворянское поколение выросло не столько при Екатерине, сколько при Павле. Более того, Павел I стремился уничтожить физическое наказание и для нижних чинов. Во всяком случае, сохранился павловский указ, согласно которому наказанных телесно гренадеров от службы надлежало отставлять и определять в кучера. Единственное исключение из данного правила – граф, обер-гофмейстер, личный камердинер и безусловный фаворит Павла Иван Павлович Кутайсов. Последний попытался оклеветать Котлубицкого, но тот сумел обелиться в глазах государя. Павел потребовал Кутайсова (Котлубицкий и Нарышкин наблюдали за сценой в скважину замка) и бил того по спине палкой «из воловьей жилы», нанеся до сорока ударов. Орденская лента с Кутайсова была во время экзекуции снята [3. С. 272].

Объяснять этот факт телесного наказания мы склонны следующим соображением. Кутайсов – воспитанник, более того, крестник Павла. Император как крестный отец, отвечающий перед Богом и людьми за свое чадо духовное, употребил именно отцовскую власть, поучив крестника. Когда сам Котлубицкий ударил лакея за грубость, Павел сделал Николаю Осиповичу выговор и велел не являться без зова на глаза [3. С. 271]. В другой раз, в Петергофе, подгулявшие купцы шумели и не давали государю спать. Тот послал Котлубицкого унять их. Пьяненькие купцы куражились и грубили. Николай Осипович кликнул казаков, и те разогнали пьяную бражку нагайками. Наутро протрезвевшие и обидевшиеся купцы собрались жаловаться императору на «самовольную с ними расправу». Котлубицкий предпочел откупиться пятью или шестью тысячами рублей, но не доводить дело до сведения Павла, понимая, что решение императора будет не в его пользу [3. С. 277]. Многие мемуаристы, начиная с Н.А. Саблукова, признавали, что за щепетильность в вопросах чести государь мог извинить любой проступок, даже пьяный кураж.

Котлубицкий был послан государем ревизовать полки, расположенные в южных губерниях. В ходе ревизии выяснилось, что прежние ревизоры, в отличие от «щенка» Котлубицкого, брали в полках взятки под видом денег на прогоны. Николай Осипович написал им и потребовал, чтобы они вернули деньги и тем самым «избавили его от необходимости донести о том государю». Деньги были возвращены [3. С. 270]. Порядочность в денежных вопросах большинства гатчинцев на службе у императора не может быть поставлена под сомнение, в отличие от екатерининских орлов. Котлубицкий являет собой в данном случае не исключение, но норму, общее правило.

Между прочим, ревизия Котлубицкого вскрыла любопытнейшее явление. Несколько заслуженных генералов, штаб- и обер-офицеров, получив отставку, впали в лютую нужду. Чин у них был высокий, но средств к существованию не было, ибо никакого пенсионера они не получили. «Некоторые были до того бедны, что жены и дочери сами воду носили». На вспомоществование им Котлубицкий издержал почти 20 тысяч рублей, полученных на служебную командировку. Он вынужден был доложить об этом государю, присовокупив, что сделал это его именем и приложил расписки [3. С. 270–272]. Павел Петрович не только предоставил пенсион семьям отставных офицеров, но и задумался о реформе всей пенсионной системы в империи.

Требования беспорочной службы государь распространял на всех без исключения. Преступления против службы не прощались никому. Государь готов был поверить даже наветам. Ревнивый Кутайсов, к примеру, пытался очернить Котлубицкого и Аракчеева в глазах императора. Как правило, обвиненный получал возможность оправдаться, и если ему это удавалось, государь наказывал клеветника. Кстати, попытки Кутайсова устранить конкурента в лице Аракчеева руками Котлубицкого провалились, хотя отношения между ними сильно ухудшились. И Аракчеев, и Котлубицкий были влюблены в одну и ту же девицу – Авдотью Савельевну Ваксель. Все лето 1799 г. за ней ухаживал Аракчеев, а в августе она вышла замуж за Котлубицкого. Государь звал ее «колибри» за малый рост и красоту, покровительствовал их браку и запросто заходил к Котлубицким «на огонек», шутил и беседовал на отвлеченные темы [3. С. 278]. Павел продолжил практику, сложившуюся еще в Гатчине, когда он был в курсе дел всех своих офицеров, знаком с их женами и детьми, выручал деньгами, мог дать приданое дочери и пр. Этот штрих ставит под сомнение устоявшееся в литературе мнение, согласно которому Павел Петрович разительно переменялся (разумеется, в худшую сторону), сделавшись государем. Очевидно, что недостатки Павла-императора бросались в глаза подданным в большей степени, чем недостатки цесаревича. Возможности самодержавного монарха открывали неограниченный ресурс для их проявления, ибо самодержавная власть разъедает любую душу, но тот факт, что Павел I не забыл и не оставил гатчинскую практику, подкрепляется надежным свидетельством Н.О. Котлубицкого.

Даже ярые недоброжелатели Павла Петровича признавали, что он был тверд в вере. Знавшие его лично мемуаристы свидетельствовали о нем как о человеке искреннего и теплого православия. Но даже и в этой части государя упрекали в том, что Павел, во-первых, «желал священнодействовать», т.е. выполнять функции священника (тот факт, что это никак невозможно в рамках православия, мемуаристов не смущал); во-вторых, вдруг начал награждать церковно- и священнослужителей орденами. Посмотрим, какие объяснения на этот счет предлагал Котлубицкий.

В 1800 г. Павел Петрович готовился принять в подданство Грузию и, «желая угодить своим новым подданным, хотел явиться при этом торжественном случае в одежде прежних их государей-императоров греческих, почему и велел приготовить для себя далматик. Одежда эта, дарованная византийскими императорами как отличие некоторым святителям Восточной церкви, сделалась впоследствии священным облачением сперва архиепископов, а потом и епископов под смиренным именем сакоса. Вследствие сего распространилась молва, будто бы император желает священнодействовать, для чего и заказал себе архиерейское одеяние» [3. С. 275]. Далматик, как известно, – одна из парадных одежд византийских императоров, обычно красного цвета с богатым украшением. Его носили, как правило, во время поста и покаяния. Он считался символом страданий Христовых, ибо перед распятием Спаситель был одет в далматик. На православных иконах Иисус изображался в далматике как царь небесный, как пантократор. Византийские цари в далматиках изображались на иконах, посвященных вселенским соборам. Далматик используется в современной Великобритании на коронационных торжествах. Современники, таким образом, сугубо политическую акцию Павла совершенно неоправданно начали толковать в литургическом ключе, желая еще и таким образом опорочить государя, чтобы оправдать свое участие в кровавых событиях марта 1801 г.

На коронационных торжествах в Москве Павел, прогуливаясь по городу, посетил церковь Иоанна Воина и слушал проповедь отца Матвея. Достойный священник, не зная о присутствии в храме государя, говорил о долге воина. Он должен не жалеть своей жизни, сражаясь за веру и царя. Отсюда проистекают обязанности царей любить своих подданных, дорожить ими и заботиться об их благосостоянии. Павел был растроган

проповедью до слез. Тем же вечером он встретился с о. Матвеем, целовал у него руку, просил переписать для него текст проповеди, который отныне и до гробовой доски лежал на столике у постели императора вместе с молитвенником. Павел часто его перечитывал. Когда у о. Матвея умерла жена, он захотел сделаться монахом, и в момент пострижения Котлубицкий поднес ему на серебряном блюде орден Иоанна Иерусалимского. Когда же он был хиротонисан в епископы, то Котлубицкий поднес ему на золотом блюде орден Иоанна Иерусалимского I степени [3. С. 267–268].

Частный случай, но таких частных случаев в эпоху Павла было очень много. Композитора Бортнянского, заслушавшись его произведением, Павел желал наградить орденом, чином и деньгами как за услугу, оказанную лично ему, государю. Когда Павлу указали на невозможность таких шагов, во всяком случае на их беспрецедентность, Павел, положив руку на сердце, сказал: «Здесь закон». Имелось в виду, что законы сердца выше законов разума. Однако русское право, как и все государственное бытование России, было построено на прецеденте. Раз прецедент создавался, вступало в действие правило «по сему и впредь поступать». После казуса с о. Матвеем практика награждения священнослужителей орденами весьма упрочилась и сохранилась до наших дней.

Н.О. Котлубицкий не имел целью написать историю павловской эпохи, связно изложив ее от начала до конца. Его рассказы посвящены сугубым частностям, но эти частности и составили прецеденты, на которых во многом строилась не только государственная политика Павла I, но и его поведение, имевшее в глазах подданных не меньшее значение. Николай Осипович – не просто современник или очевидец, он живой участник тех событий, о которых рассказывает, что придает его свидетельствам требуемую в науке достоверность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... СПб., 2004. Т. 1. СПб., 2005. Т. 2.
2. Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997.
3. Рассказы генерала Н.О. Котлубицкого о временах Павла I // Рыцарь трона. М., 2006. С. 259–283.
4. Рассказы генерала Н.О. Котлубицкого о временах Павла I // Русский архив. 1912. Кн. 2, вып. 8. С. 509–538.
5. Котлубицкий Н.О. Рассказы о старине // Русский архив. 1868. № 7. Стлб. 1070–1079.

Sorokin Yury A. Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: ifdoid@rambler.ru
"STORIES" N.O. KOTLUBITSKO AS A HISTORICAL SOURCE FOR THE STUDY OF THE POLITICAL REGIME, RUSSIAN EMPEROR PAUL I.

Key words: N.O. Kotlubitsky; Paul I; the political regime.

Information opportunities of notes of Lieutenant-General and the Adjutant General of the Russian Emperor Paul I, N.O. Kotlubitsky, which is not widely used in modern research practice, were researched. His stories have a special place in domestic memoirs, because of the figure of the author, who was closely associated to Pavel Petrovich from 1793 to 1801. He was close acquaintance with Pavel in the period of Crown Prince isolation at Gatchina and made a brilliant career and was retired from service by Alexander I in twenty-six years. It was discovered, that many cases Emperor life have been distorted, and many authors of scientific papers used these cases in this distorted form, not considering it necessary to look critically. A number of case studies, showing the circumstances of their future fraud, in particular, stories about the attitude of Paul to "cases of honor", serfdom, corporal punishment, empire building, the Orthodox Church and the Orthodox values, was analyzed.

REFERENCES

1. Dolgorukov I.M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsey zhizni... SPb., 2004. T. 1. SPb., 2005. T. 2.
2. Dolgorukov I.M. Kapishche moego serdtsa, ili Slovar' vsekhn tekhn lits, s koimi ya byl v raznykh otnosheniyakh v techenie moyey zhizni. M., 1997.
3. Rasskazy generala N.O. Kotlubitskogo o vremenakh Pavla I // Rytsar' trona. M., 2006. S. 259–283.
4. Rasskazy generala N.O. Kotlubitskogo o vremenakh Pavla I // Russkiy arkhiv. 1912. Kn. 2, vyp. 8. S. 509–538.
5. Kotlubitskiy N.O. Rasskazy o starine // Russkiy arkhiv. 1868. № 7. Stlb. 1070–1079.